

Два концерта Григория Гинзбурга

Центральным событием музыкальной жизни Риги за последние дни явились концерты одного из крупнейших советских пианистов — лауреата международного конкурса, заслуженного деятеля искусств РСФСР профессора Григория Гинзбурга.

Двадцать лет назад на долю этого талантливого пианиста выпала честь победоносно представлять музыкальную культуру молодого советского государства на международном конкурсе пианистов имени Шопена в Варшаве. Это был первый дебют представителей советской пианистической школы за пределами нашей Родины, дебют, открывший целую серию блистательных международных побед наших исполнителей. Со времени получения премии на варшавском конкурсе Григорий Гинзбург совмещает большую концертную деятельность с плодотворной педагогической работой в Московской консерватории.

Когда слушаешь Григория Гинзбурга, в первую очередь ощущаешь его большой талант и неустанное стремление к новому как в подборе репертуара, так и в самом исполнении. В прошлом исполнительский стиль Гинзбурга характеризовался довольно ясно ощутимой академической сдержанностью, в нынешний свой приезд он продемонстрировал замечательную свободу и непринужденность исполнения, сочетающуюся с глубоко продуманным и содержательным замыслом.

В своем сольном концерте, состоявшемся 27 декабря, Гинзбург большое внимание уделил обработкам для фортепиано, сделанным разными мастерами в разное время. Среди этих мастеров мы значительное место должны уделить самому исполнителю, выступившему в качестве композитора, легко распоряжающегося средствами фортепианной техники. Материалом для обработок Гинзбурга послужила весьма популярная скрипичная пьеса Крейсера «Прелюд и аллегро», обработанная просто и монументально, и знаменитая ария Фигаро из «Севильского цирюльника» Россини.

В своем сольном концерте Гинзбург исполнил также обработки известного польского композитора и пианиста Л. Годовского, полонез из оперы

Чайковского «Евгений Онегин» и «Соловья» Алябьева в виртуозных транскрипциях Франца Листа и ряд других пьес. Чувство стиля, национального колорита и жанровой направленности ни на секунду не изменило Гинзбургу ни в сонате Моцарта, сыгранной скромно, мужественно и искренне, ни в тонкой и задумчивой «Колыбельной» Чайковского — Пабста, ни в гениальной восточной фантазии — «Исламее» Балакирева.

В симфоническом концерте 29 декабря Григорий Гинзбург, в сопровождении оркестра Латвийской государственной филармонии, под управлением заслуженного деятеля искусств Л. Вигнера, с большим подъемом исполнил знаменитый первый фортепианный концерт Чайковского. В этом исполнении с еще большей силой сказалась зрелость и яркость творческой индивидуальности Гинзбурга.

Порадовал слушателей и оркестр Латвийской филармонии, сумевший под руководством дирижера за сравнительно короткий срок разучить и исполнить труднейшую третью симфонию («Божественную поэму») Скрябина.

Несомненные успехи оркестра филармонии, художественно окрепшего и выросшего за последние месяцы, сказались и в аккомпанементе к концерту Чайковского. Вигнер дирижировал спокойно и уверенно, так что в зале ни на минуту не возникла боязнь за цельность ансамбля пианиста с оркестром.

Не вполне удачным было лишь исполнение первой сюиты Прокофьева из музыки к балету «Ромео и Джульетта». Во-первых, не следовало анонсировать сюиту из «Золушки», а затем заменять ее. Во-вторых, для овладения столь новаторской партитурой нужно было, повидимому, гораздо больше подготовительной работы. Оркестр явно не справился со всеми трудностями живописной и глубокой музыки Прокофьева. Надо надеяться, что сюита из «Ромео и Джульетты» исполняется не в последний раз, и рижская аудитория еще получит возможность до конца оценить и полюбить это замечательное произведение.

П. Печерский.